

Толпыкин Виктор Егорович

кандидат философских наук,
профессор кафедры философии
Кубанского государственного университета
тел.: (861) 265-08-02

**ПОЗНАНИЕ
КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ВИД
ДУХОВНОЙ И ПРАКТИЧЕСКИ-
ПРЕОБРАЗУЮЩЕЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА**

Аннотация:

В статье раскрывается сущность познания как важнейшей категории в системе гносеологического процесса. Рассматривается не только история, но и современные аспекты формирования и развития этого сложного и многогранного процесса. Показаны различные виды и формы познавательной деятельности человека.

Ключевые слова:

познание, субъект познания, объект познания, возможности и границы познания, познание как культурно-исторический процесс, обыденное познание, научное познание.

Tolpykin Victor Egorovich

Candidate of Philosophy,
professor of the chair of philosophy,
Kuban State University
tel.: (861) 265-08-02

**COGNITION
AS SPECIFIC KIND OF
SPIRITUAL AND PRACTICALLY
TRANSFORMING
ACTIVITY OF HUMAN**

The summary:

The article reveals the essence of cognition as the most important category in the epistemological process. We consider not only the history but also modern aspects of the formation and development of this complex and multifaceted process. The various types and forms of human cognitive activity are shown.

Keywords:

cognition, subject of cognition, object of cognition, capabilities and limits of cognition, cognition as a cultural and historical process, everyday cognition, scientific cognition.

Познание представляет собой специфический вид духовной и практически-преобразующей деятельности человека, состоящий в получении, накоплении и передаче из поколения в поколение знаний как о свойствах, состояниях, тенденциях и закономерностях развития окружающего человека мира, так и об особенностях бытия самого человека в этом мире. Путь познания, органично вписанного в контекст культурно-исторического процесса, в эволюцию человеческого мышления, – это сложный, противоречивый путь взлетов и падений, побед и сокрушительных поражений.

Мысль человека в своем стремлении раздвинуть границы познания и овладеть самыми сокровенными тайнами мира и собственной, столь загадочной, неведомой душой – ненасытна. Ей, единственной, дано не только знание о знании, но и знание о незнании. А потому вопрос «Что там за горизонтом?» (трансформированный впоследствии И. Кантом в три следующих друг за другом вопроса: «Как возможна чистая математика?», «Как возможно чистое естествознание?» и «Как возможна метафизика?») всегда был основополагающим для всей теории познания.

Познание, рассматриваемое как отражение и как конструирование действительности, характеризуется многообразием своих форм. Наряду с научным, можно выделить обыденное, религиозное, мистическое и другие формы донаучного и вненаучного познания. Каждая из названных форм познания различается не только предметом, методами и формами его исследования, но и особенностями языковой структуры.

Так, например, научное познание, в отличие от обыденного, характеризуется следующими особенностями:

– во-первых, если обыденное познание формируется стихийно, под влиянием непосредственного, жизненного опыта людей, то научное познание является результатом их сознательной, целенаправленной деятельности;

– во-вторых, обыденное познание раскрывает преимущественно явления, т. е. внешние стороны, свойства вещей, лежащие на поверхности и доступные непосредственному, чувственному восприятию. На уровне научного познания осуществляется проникновение в сущность вещей, раскрывается их внутренняя, лежащая за пределами непосредственной чувственности природа;

– в-третьих, обыденное познание дает возможность раскрыть лишь отдельные, преимущественно внешние стороны, связи и отношения между предметами и их свойствами. Причины многих сложных изменений, трансформаций в исследуемом объекте остаются недоступными для обыденного познания. Научное познание способно раскрыть сложные причинно-следственные, генетические, структурные, функциональные и другие связи и отношения между изучаемыми объектами и их свойствами.

Научное познание характеризуется специфической системой форм и методов, среди которых в настоящее время особую значимость приобретают идеализация, формализация, моделирование и др.

Особенностью научного познания является также использование в процессе научного исследования искусственного языка в форме понятий, символов, графических построений, обеспечивающих информационную насыщенность научного исследования.

Особый интерес представляет художественное познание, осуществляемое в форме художественного образа. В собственном смысле слова художественный образ определяет как иносказательная, аллегорическая мысль, выражающая одно явление через другое.

Вспомним, например, образ чумы в одноименном произведении французского писателя-экзистенциалиста А. Камю. Как ярко, как впечатляющ этот образ, символизирующий собой неотвратимое шествие грозного социального бедствия в лице фашизма, страшный оскал которого потряс все европейские государства. Известно, что фашизм как социальное явление стал объектом самого пристального внимания философов, историков, социологов, психологов, генетиков и других представителей самых разных областей научного знания.

В научных исследованиях всесторонне раскрываются истоки фашизма, его суть, многообразие уже состоявшихся и возможных, порой самых неожиданных и непредвидимых его обликов, анализируются социальные последствия фашизации, несущей в себе реальную угрозу всем достижениям человеческой культуры и цивилизации. При этом выстраивается четкая система аргументации, разрабатывается категориальный ряд, выдвигаются различные теоретические концепции. Весь ход рассуждений облекается в форму абстрактного мышления. Важнейшей же особенностью художественного образа, составляющего основу художественного познания, является его конкретность и чувственно-наглядная достоверность.

Кроме того, если научный познавательный образ может быть воспроизведен дважды (в качестве примера может, в частности, служить хорошо известный факт переоткрытия спустя тридцать два года генетических закономерностей, не получивших во времена своего первооткрывателя Менделя должного признания), то художественный образ уникален и неповторим. Его нельзя воссоздать, воспроизвести дважды: хороший или плохой, удачный или неудачный – при всех условиях он – уникальный, единственный, исключительный в своем роде.

И язык науки, и язык искусства – это язык символов. Но символы научного языка – разновидность знаков, посредством которых актуализируются различные мыслитель-

ные конструкции. Само возникновение научной символики есть результат договоренностей, соглашений между учеными. А понимание смысла научных символов требует определенных знаний и профессиональной ориентации. Символы же, используемые в процессе художественного познания, выражают собой ассоциативный ряд человеческих чувств, эмоций, переживаний. Безусловно, чувства и переживания неотделимы от мышления, но это мышление особого рода. Оно не абстрактное, а конкретное, определяемое как «мышление в образах».

Наш анализ форм познания был бы неполным без выяснения специфики религиозного познания, основной идеей которого является идея Бога. А важнейшим символом, посредством которого эта идея реализуется, является символ веры. Отсюда основной вопрос религиозного познания – вопрос о соотношении веры и знания. И религиозная вера, и знание направлены на поиски и утверждение истины. Вся история религиозных учений, а соответственно и вся история религиозной философии и теологии, пронизана пафосом самой острой, самой бескомпромиссной полемики по вопросу о приоритетах и познавательной ценности религиозной веры в ее соотношении с приоритетами и ценностями знания.

К вненаучным формам познания относится также мистическое познание. Мистика – от греческого *mysticas*, что значит «таинственный». Мистические элементы в большей или меньшей степени присущи всем без исключения и мировым, и сектантским религиям. Более того, они лежат в основе всех первобытных политеистических религий, являются их питательной почвой. Вместе с тем мистика имеет и свой собственный, отличный от религии, смысл. Их различие русский религиозный философ Н. Бердяев видит прежде всего в том, что если религия представляет собой экзотерическое знание (направленное во вне, доступное непосвященным), то мистика есть знание эзотерическое. Направленное внутрь, оно выражает самые сокровенные тайны, доступные только посвященным, способным достичь высот мистического экстаза и слиться с Божеством, воплощающем в себе всю полноту и совершенство мира. В противовес объективированности религии, мистика предельно субъективирована, обращена к внутреннему состоянию человеческой души, испытывающей священный трепет перед сокровенными тайнами бытия.

Есть и еще одно важное различие между мистическим и религиозным познанием. Религия, как известно, четко разграничивает естественный и сверхъестественный мир. Мистика же не приемлет подобного разграничения, поскольку все, в том числе и реальность, растворяясь в Духе, Высшем Божестве, полностью поглощается им.

Мистика не только пронизывает собой религию, но и стремится проникнуть в сферу науки. Речь идет прежде всего об оккультном познании и так называемых оккультных науках (от лат. *occultus* – тайный, сокровенный), направленных на исследование и персонафикацию скрытых природных сил, их познание с помощью откровения свыше. Разновидностью оккультизма является парапсихология, объектом исследования которой становятся явления, выходящие за пределы повседневного жизненного опыта и имеющих в распоряжении человека средств познания. К таким явлениям, получившим название пси-феноменов, относятся ясновидение, телепатия, психокинез и другие сферы вненаучного парапсихологического знания.

В структуре познания различают объект и субъект познания. Объект (от лат. *objectum* – дословно – предмет). Понятие объекта выражает ту часть объективной реальности, которая соотносится с познавательной и практической деятельностью человека. Объект противопоставлен субъекту (от лат. *subjectum* – лежащий внизу, находящийся в основании познания). В собственном смысле слова, субъект – это носитель познавательной и практически преобразующей деятельности. В качестве субъекта познания может высту-

пать не только отдельный человек, но и любое, большое или малое, сообщество людей, любая социальная группа.

Впервые разграничил объект и субъект познания Р. Декарт, для которого в качестве субъекта выступала мыслящая субстанция, т. е. человек, а в качестве объекта – протяженная субстанция – противостоящий человеку внешний материальный мир. Над ними возвышалась изначальная, никем не созданная субстанция Бога, обеспечивающая единство и взаимосвязь между двумя сотворенными субстанциями. Разграничение объекта и субъекта и вместе с тем постулирование их единства в реальном процессе познания рассматривалось Р. Декартом как одно из важнейших условий обоснования достоверности знания.

Английский философ Дж. Локк, заложивший основы созерцательного материализма, утверждал, что человек должен объективно оценить возможности разума и не стремиться к познанию того, что выше его понимания.

Французские материалисты XVIII в. Д. Дидро, Ж. Ламетри, П. Гольбах, К. Гельвеций так же, как и Дж. Локк, обосновывающие созерцательный подход к познанию, абсолютизировали роль объекта. Субъект же рассматривался ими лишь как инструмент познания, носитель ограниченных познавательных способностей, направленных на пассивное отражение свойств объекта познания.

Начиная с И. Канта, складывается деятельная концепция познания, акцентирующая внимание на активности субъекта. С точки зрения И. Канта, действительным субъектом познания является не изолированный индивид, как у французских материалистов, а трансцендентальный субъект как носитель чистого сознания, конструирующего объект познания с помощью априорных форм чувственности и рассудка.

Гегель характеризует познание как надындивидуальный процесс становления абсолютного духа, развертывающего свои познавательные потенции на основе тождества объекта и субъекта. Но это, с точки зрения Гегеля, не абстрактное, а конкретное тождество, не исключающее, а напротив, предполагающее различие между ними. Признание активности субъекта было одной из основополагающих идей философской системы Гегеля. Но активность субъекта у Гегеля производна от активной, деятельной природы абсолютного духа. Не случайно поэтому К. Маркс в своих «Тезисах о Фейербахе» пишет: «Главный недостаток всего предшествующего материализма – включая и феербаховский – заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме объекта, или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно. Отсюда и произошло, что деятельная сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно...» [1, с. 264].

В отличие от Гегеля, марксизм связывает активность субъекта с предметной, практически-преобразующей деятельностью. Степень активности субъекта, с точки зрения марксизма, определяется активностью практики, включенностью субъекта в активную революционно-преобразующую деятельность.

Кантовская идея «трансцендентального субъекта» получила дальнейшее развитие в феноменологии Э. Гуссерля, в частности в его учении об интенциональности сознания с имманентно присущим ему свойством смыслообразования. Аналогом «трансцендентального субъекта» в феноменологии становится чистая, абсолютная субъективность, выраженная в смыслообразующей функции сознания, очищенного от каких-либо элементов опыта и опытного знания. Немецкий философ-экзистенциалист М. Хайдеггер, перефразируя известное декартовское изречение *Cogito ergo sum*, перемещает акцент на *sum*, смысл которого, как считает М. Хайдеггер, состоит в утверждении «Я – есмь – в – некоем – мире». И далее философ поясняет: «Будучи так сущим, «я есмь» в возможности бытия к разным поведением... как образам бытия при внутримирном сущем» [2, с. 211]. Для М. Хайдеггера,

следовательно, в вопросе о соотношении объекта и субъекта важен не столько гносеологический, сколько онтологический аспект, основу которого составляет сама возможность понимания бытия как «бытие-присутствие». «Бытие-присутствие», с точки зрения М. Хайдеггера, есть сущее, трансцендируемое «чистым» разумом. Таким образом, традиционная для теории познания проблема соотношения объекта и субъекта в экзистенциальной философии насыщается новым, более глубоким и содержательным смыслом, связанным с возможностью понимания бытия как сущего, в котором только и возможно действительное единство объекта и субъекта.

Историческая заслуга Э. Гуссерля, М. Хайдеггера и других философов XX в. состоит в преодолении крайностей как субъективизма, абсолютизирующего активную роль субъекта, так и объективизма, недооценивающего роль субъекта и утверждающего принцип «нейтральности» познания.

Субъект и объект – соотносительные категории. Субъект становится субъектом в своей соотнесенности с объектом познания. Объект же есть не что иное, как фрагмент реальности, вошедший в структуру познавательной деятельности (как объект созерцания или объект мышления).

Функции объекта и субъекта определяются не только их внутренней природой, но и характером взаимодействия.

Роль субъекта во многом определяется степенью сложности объекта, а также тем, идет ли речь об исследовании уже заданного, сложившегося объекта или о таком, который еще только предстоит обнаружить. Очевидно, что степень активности субъекта будет в первом и во втором случаях различной. Ведущая роль объекта проявляется не только в выборе способов и приоритетных направлений познания, но и в определении критериев оценки результатов познания. Вместе с тем субъект познания характеризуется активностью, способностью к творчеству, практическому преобразованию мира, социального бытия, в котором живет и действует человек. Активность субъекта проявляется, в частности, в его способности познавать прошлое, восстанавливая по отдельным текстам, археологическим находкам целостный облик исторически сложившихся культур, цивилизаций. Но восстановление прошлого не ограничивается лишь его воспроизведением в мысли человека. Активность субъекта проявляется прежде всего в его способности интерпретировать ушедшую от нас историческую эпоху с позиций сегодняшнего видения, с точки зрения современной науки, современного нравственного и эстетического идеала.

Немаловажной характеристикой активности субъекта является также способность к предвидению, к различным формам не только ситуационного, но и масштабного социального прогнозирования. И хотя реальность всех, а тем более социальных, прогнозов порой бывает весьма проблематичной, тем не менее их роль в познании, в освоении мира чрезвычайно значительна. Мир, в котором осуществляется бытие субъекта, – это сплав реального и ирреального, того, что существует в самой действительности, и того, что принесено в него фантазией человека.

В заключение можно отметить, что проблема соотношения объекта и субъекта настолько сложна и многогранна, что трудно ожидать единомыслия и единообразия в ее решении.

Ссылки:

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. М., 1974.
2. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997.

References (transliterated):

1. Marks K., Engel's F. Soch. 2nd ed. Vol. 42. M., 1974.
2. Khaydegger M. Bytie i vremya. M., 1997.